

СОВРЕМЕННОСТЬ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ ФИЛОСОФИИ

Е. Н. Ищенко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 октября 2014 г.

Аннотация: в статье предпринята попытка проанализировать основные направления современного философского дискурса. Автор выделяет и классифицирует различные измерения феномена медиареальности, анализирует конфликты и напряжения между ними, показывая их эвристический ресурс для дальнейшего развития философии. Кроме того, попытка объединения различных точек зрения в одном методе исследования демонстрирует преимущества и возможности комбинации различных подходов.

Ключевые слова: современный философский дискурс, конец философии, массмедиа, медиареальность, дополненная реальность, нэтика.

Abstract: the article attempts to analyze major tendencies of contemporary philosophical discourse. The author formulates and classifies the main dimensions of the phenomenon mediareality, analyzes the conflicts and tensions that arise between them, and interprets these contradictions as an heuristic resource of the development of philosophy. In addition, author's attempt to combine different point of view in one method of investigation demonstrates the advantages and possibilities of combination of different approaches.

Key words: contemporary philosophical discourse, end of philosophy, massmedia, mediareality, augmented reality, nethics.

Схватить современность, сделать ее предметом рациональной рефлексии – задача почти непосильная. Ускользающая от понимания ситуация, в которой мы пребываем, – в отличие от уже обретших более или менее устоявшиеся оценки и коннотации прошедших эпох, – чревата неожиданными сюжетными поворотами. «Стереть случайные черты» в этом случае означает совершить интеллектуальный прорыв осознания закономерности происходящих на наших глазах трансформаций, существующих не в мире исторической реконструкции «воображаемого», но в той реальности, в которую вовлечено наше существование. Подобные рефлексивные усилия требуют от исследователя существенных жертв. Он должен отрешиться от эмоций, сделаться почти бесчувственным, освободиться от личностной причастности, но использовать собственную вовлеченность в ситуацию современности как необходимый инструмент, сохраняя мужество для беспристрастного описания и анализа.

Между тем первое прочтение авторов, которые избрали путь размышлений о происходящем «здесь и сейчас», наводит на мысль о том, что пространство философского дискурса о современности ограничивается вполне привычным набором суждений, имеющим длительную и хорошо исследованную традицию. С одной стороны, отчетливо слышны

отзвуки ницшевского «Вечного Возвращения», правда в новой редакции. Наиболее ярко эта позиция представлена в последних работах Умберто Эко, упорно отрицающего новизну происходящих вокруг нас метаморфоз. Современное общество движется вспять, мы впадаем в Средневековье, а «история, устав от поступательности двух тысячелетий, свертывается змеей и задремывает в блаженном уюте Традиции» [1]. Неизящно звучащее в переводе название одной из глав цитируемой работы «Шагая раком», иронически усиливает эффект снятия тревоги по поводу «невиданности» перемен и трансформаций. В качестве подтверждения собственной позиции У. Эко отмечает такие диковинно архаичные черты современной повседневности, которые еще совсем недавно казались безвозвратно канувшими в бездну истории, как возрождение христианского фундаментализма, появление стилистического «неоколониализма» (в белых семьях работает цветная прислуга), пылкое обсуждение дарвиновской теории, оживление антисемитизма... набросок не слишком привлекательной «новой» реальности, который должен проиллюстрировать читателю, что «все повторяется».

С другой стороны, достаточно ярко и остро представлена позиция «алармически» настроенных авторов, подхватывающих шекспировское «Прервалась дней связующая нить». К примеру, у П. Слотердайка находим: «в современную эпоху связи, которые обеспечивали в классическом мышлении нераздельное единство рефлексии и жизни, рвутся. Нам становится все более ясно, что мы утрачиваем общий знаменатель для самопознания и познания мира» [2].

Однако, несмотря на внешнюю противоположность философских позиций понимания современной ситуации, как нам представляется, в них по сути больше сродства, чем различий. Что же объединяет полярные на первый взгляд философские позиции в оценке трансформаций современного мира? Явный детектор философского возмущения – вновь зазвучавший мотив «конца философии». Стоит, впрочем, напомнить, что мотив «конца философии» не является изобретением исключительно нынешнего момента, он время от времени уже проявлялся в самых разных версиях и вариантах. Н. С. Розов справедливо замечает: «Попытки «отменить» философии (ее преодоления, закрытия, возвещения о ее смерти и т.д.) – долгая и поистине славная философская традиция» [3]. Солидарную позицию выражает и Л. Кахун: «Любая философская работа должна непременно руководствоваться некоторым понятием конца философии, следовательно, принятием границ. Наиболее фундаментальный детерминант творчества любого философа – его понимание конца философии и тех обязательств, которые философ неявно принимает в процессе философствования» [4].

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. философское сообщество уже переживало «очередной» конец философии, который был связан прежде всего с широким распространением претензий бурно развивающегося корпуса когнитивных наук на «окончательное решение» философских вопросов (например, mind/body problem). В это время Х. Фэйрлэмп отме-

чал, что «неудачи» философии в поисках «абсолютного гаранта знания или значения» [5] никоим образом не означают отмены исключительной значимости философии как особого способа освоения действительности.

Нынешний «конец философии» отражает некую оторопь перед происходящими в мире трансформациями, их стремительностью, непредсказуемостью и фрагментарностью (см., например, [6]). Так, Дж. Доомен, классифицируя различные смыслы идеи «конца философии», полагает, что философии еще предстоит найти ответ на претензии по поводу утраты собственной предметности и эпоху все более усиливающейся специализации и фрагментации знания [7].

И все же «привычность» пророчеств о конце философии как самодостаточной и самоценной сферы рефлексии, сохранявшей свое влияние на протяжении длительной интеллектуальной истории, не вполне объясняет феноменальную эсхатологичность сегодняшнего дискурса. Пожалуй, наиболее явным возмутителем философского спокойствия оказывается феномен массмедиа, ставший едва ли не определяющим фактором современной истории.

Описывая свое видение происходящего, П. Слотердаjk довольно жестко констатирует: «массмедиа впервые обрели такой масштаб охвата, которого не знала никакая рационалистическая энциклопедия, никакое художественное произведение, никакая «философия жизни»: обладая неизмеримой «емкостью», они стремительно двинулись к тому, о чем всегда могла только мечтать великая философия – к тотальному синтезу, – разумеется, при нулевом уровне интеллекта, в виде тотального арифметического суммирования. <...> Массмедиа могут говорить обо всем, потому что они окончательно отбросили тщеславную затею философии – понять то, о чем говорится. Они охватывают все, поскольку не схватывают и не понимают ничего...» [2]. Перчатка, брошенная философу, теперь уже оборачивается вызовом всему человечеству. Ни много ни мало, ведь «информация переполняет резервуары нашего сознания, создавая принципиальную угрозу самому человеческому существованию» [там же, с. 462]. Разбитый на миллионы «информационных поводов», мир оставляет тоску по возможности схватывания его в сколько-нибудь пристойном для осмысления виде.

Что именно приводит к такой «демонизации» массмедиа в современном философском дискурсе? Несколько тревожащих ум философа обстоятельств, и прежде всего, невиданная власть массмедиа, связанная с особыми, присущими им механизмами конституирования реальности. Как предельно точно отмечает В. В. Савчук: «Природа же медиа в полной мере раскрывается не в опосредовании общения, но в производстве новой реальности. Медиа, сообщая каждый день, конструируют реальность, настойчиво вытесняют людей из непосредственных связей и отношений. Медиа – форма перформативного действия: они не только есть сообщение, но и превращение, трансформация, совершенное действие» [8]. Очевидно, что реальность массмедиа, замещающая и подменяющая собой то, что принято было понимать под реальностью, или, точнее, то,

что философы считали собственной вотчиной, несет вполне очевидную угрозу вытеснения философской деятельности. Правда, на нее уже не раз покушались – и религия, и наука, и искусство, но некий «зазор», в котором находилось место для философской работы, все же оставался. Что же теперь, в современной ситуации? «То, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, – отмечает Н. Луман, – мы знаем благодаря массмедиа» [9]. Выходит, что из коммуникативного посредника современные массмедиа у нас на глазах превратились в грандиозную тотальную систему, не репрезентирующую реальность, а конструирующую ее.

Тем самым, по мнению Лумана, коммуникации становятся единственным предметом анализа для получения адекватной картины современного мира, и никакие «классические» предметности, вроде «сознания», «языка», «человека», уже не могут быть релевантными для актуального исследования. Луман показывает, что система массмедиа конструирует обе реальности: и «реальную реальность», и «массмедийную». Теперь массмедиа определяют не только «формат» освещения тех или иных событий, но и сами события, граница между реально происходящим и сконструированным исчезает у нас на глазах.

Манипулируют ли нами массмедиа? Как оказалось бы, вопрос вполне риторический. Однако Луман дает на него отрицательный ответ. Не манипулируют и не фальсифицируют реально происходящее. Массмедиа как система просто, если можно так выразиться, не имеет связи с реальностью, так же, кстати, как и с потребителями медийного продукта. Термины фальсификации и манипуляции всего лишь оценочные ярлыки, которые навешивают наблюдатели в соответствии с собственными установками и пристрастиями. Даже если мы с надеждой обратимся к такому идеальному типу как «наблюдатель наблюдателей» (термин Н. Лумана), то поймем, что и он не является гарантом объективности и независимости, поскольку остается всего лишь наблюдателем с ограниченным сектором обзора.

По отношению к массмедиа бессмысленными оказываются и рассуждения в терминах «истина»/«ложь». Бесконечный процесс «поедания» информации и превращения ее в «уже-не-информацию» составляет процесс, который Луман называет аутопойезисом системы массмедиа. В процессе трансформации событий в «информационный повод» происходит утрата событием изначального смысла, что сама система массмедиа и не может осознать, поскольку реальность повседневного для нее попросту недоступна. Потребитель попадает в замкнутый круг – узнать о происходящем мы можем исключительно из массмедиа, но они в силу их особого устройства просто не способны описать некое событие «как это было на самом деле» («wie es eigentlich gewesen») (Л. Ранке).

Однако не только «подмена» реальности медиареальностью является предметом философских размышлений. Мир медиареальности поистине безграничен. В чем же тут кроется опасность? На первый взгляд, открытость, безграничность, доступность информации, ставшие пря-

мым следствием процесса глобализации, и есть сбывшаяся медиаутопия, представляющая человеку независимо от его социального положения, этнической принадлежности, пола, возраста равные и поистине немислимые возможности. Тем не менее в современном философском дискурсе все чаще обсуждаются риски, связанные с этими приметам нового медиапространства, разрушающего тот ограниченный смысловой универсум, в котором человек чувствует себя защищенным. Поиск путей упорядочивания, осмысления, структурирования безграничного мира – одна из важнейших мотиваций современного философа. В ответ на этот серьезнейший вызов современности Слотердайк создает особую философскую дисциплину – иммунологию, название которой уже исполнено смыслами. Подобно тому, как иммунология есть учение о выработке механизмов защиты организма от агрессивных воздействий окружающей среды, философская иммунология призвана повысить сопротивляемость человека патогенному воздействию массмедиа путем создания защитных смысловых оболочек. Слотердайк предлагает три философские иммунологические дисциплины: микросферология, макросферология и плюралистическая сферология, предметное деление которых связано с выделением трех типов сферических оболочек. Первая – «пузыри» – области интимных пространств, скрепляющие малые группы людей, соединенных общим ритмом и атмосферой, является предметом микросферологии. Предмет макросферологии – «глобусы», шарообразные пространства, созданные для иммунной защиты больших сообществ. Истоки идеи макросфер можно найти в античной философии (например, у Парменида). Постепенный переход от «метафизической глобализации» к тем процессам, которые происходят в современном мире приводят к очевидному парадоксу. Весь мир теперь безграничен и доступен человеку, но человек лишается привычной смысловой защищенности, которой он еще недавно обладал. Это приводит к возникновению предмета плюралистической сферологии – «пень», по Слотердайку. «В пенных мирах отдельные пузыри не включены, как в метафизической идее мира, в один – единственный интегрирующий гипершар, а скапливаются в беспорядочные груды» [10], что приводит к всевозможным патологиям. Задача философии в ситуации «вспененной» современности состоит в выработке механизмов повышения иммунитета к этим процессам, разрушающим основы человеческого существования в мире, путем обретения утраченной смысловой защищенности.

Ф. Гро по-своему трактует проблему нахождения/установления границ в современном глобализированном мире. Современная ситуация, приводящая мир в качественно иное политическое, социальное, культурное состояние, требует анализа в русле выявления «логики движения потоков»: «товаров, миграционных потоков населения, потоков информации и изображений. То, что сейчас называют «глобализацией», будет господством этой логики движения транснациональных потоков над старыми потоками, способствуя, с помощью слияния народов, объединению богатств, накоплению знаний, созданию сильных политических единиц»

[11]. Однако такой синтез с необходимостью требует границ, а структурирование отныне приобретает особую ценность, поскольку устанавливает нестабильную, временную, но все же упорядоченность как антитезу неуправляемому хаосу. Формально этот процесс предполагает установление правил, искусственно конструирующих границы, отделяющие и разделяющие потоки. «Сегодня происходят трансформации Силы: ранее она была гарантирована государством, накапливающим на протяженных территориях свое население. Сегодня сила зависит от способности структурирования, создания распределяющей потоки сети. <...> В ходе движения и перераспределения потоков создаются новые идентичности, которые не связаны с осознанием гражданства» [там же, с. 166–167]. Все эти процессы протекают – само собой разумеется – в медиасреде, которая и конституирует, и транслирует, и закрепляет трансформации происходящих «здесь и сейчас» изменений.

Не менее важным обстоятельством, вызывающим серьезную тревогу философов, размышляющих о современности, является вторжение массмедиа в святая святых – природу самого человека. Изменяются структуры телесности, восприятия мира, стирая границу воображаемого/реального. Вследствие этого необыкновенно интересным для дальнейших исследований становится феномен «дополненной/расширенной реальности». Изначально этот термин, появившийся в связи с развитием новых медиатехнологий, означает взаимодействие виртуальной и «реальной» реальности с использованием дополняющей информации, в качестве которой могут выступать текст, аудио, видео, анимация, т.е. любые цифровые объекты в режиме реального времени. Последние разработки в этой области позволяют человеку при помощи определенных технических средств практически постоянно находиться в контакте со средой дополненной реальности. Распространение таких технологий влечет за собой возможность полного физического погружения человека в эту трансформированную реальность, создаваемую медиа. М. Хансен отмечает: «Реальность, закодированная в цифровой базе данных, может быть воспроизведена, в равной степени, как звуковой файл, как статичный образ, как видеоклип, или же иммерсивный, задействующий сразу несколько каналов восприятия (зрение, слух, осязание) и создающий эффект присутствия трехмерный интерактивный мир, – не говоря уже о тех формах, которые не отвечают способностям человеческого восприятия вовсе» [12]. Расширяя границы восприятия, медиа ловко «подменяют» реальность, делают ее ярче, громче, привлекательнее, эстетизируя этот «безумный, безумный мир». Человеку уже нет нужды включать воображение, для того чтобы предаться мечтам об ином, недостижимом. Теперь эта исконно человеческая деятельность становится «работой» медиа, с которой, – приходится признать, – они более чем успешно справляются.

С изменениями медиасреды, разумеется, трансформируются и способы человеческой коммуникации, открывающие, с одной стороны, новые грани человеческой природы, с другой стороны, предоставляющие новые способы конституирования коммуникативных сообществ. Сравнительно

недавно возникший и получивший широчайшее распространение феномен сетевых сообществ довольно наглядно демонстрирует и трансформации человеческой коммуникации в новой среде, и те процессы, которые в ней происходят, представляя собой богатейший материал для психологических, социологических, политологических и, разумеется, философских исследований. Воспринимавшийся (и до сих пор воспринимающийся) частью пользователей как ответ на ангажированность «официальных» массмедиа сетевой дискурс представляется свободным от манипулирования пространством, в котором реализуется свобода высказываний и самоманифестаций. Зачастую оказывается, что борьба с находящимися под подозрением массмедиа проходит по навязанным ими же законам. Социальные сети предоставляют каждому пользователю доселе невиданные возможности для самовыражения и самопрезентации максимально широкому кругу совершенно незнакомых людей, блуждающих в сетевом пространстве. Как пишет У. Эко, «мы живем в эпоху, когда репутация уступила место известности. Другими словами, все хотят быть на виду и известными – любой ценой, даже по весьма малозначительным поводам» [13]. Надо сказать, что сетевое пространство просто кишит возможностями для самых разнообразных «засветов». В рамках сетевого дискурса складываются особые коммуникативные механизмы упорядочивания потоков информации, поступающей от субъекта. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что внутренние мотивы освоения сетевого пространства связаны с хорошо известными сторонами человеческой природы: тщеславием, гордыней, завистью. Путешествуя по «глобальной деревне» (Г. М. Маклюэн), в которую превратился современный мир, мы увидим довольно странную тенденцию полной перверсии личного и социального. Если продолжать это сравнение, то в процессе такой «прогулки» мы довольно отчетливо увидим, как люди вытаскивают из собственных домов – причем абсолютно добровольно и без каких бы то ни было видимых внешних причин – все возможные свидетельства собственных житейских отpravлений, заведомо понимая, что они станут достоянием огромного количества совершенно посторонних людей. Свобода общения в сетевом пространстве оборачивается латентным психологическим насилием, которое предполагают законы самой медиасреды: «не хранить тайн. Говорить, говорить, и безжалостно общаться. Вот насилие, навязанное уникальному существу и его тайне» [14]. Приходится признать, что у актора сетевой коммуникации остается немного возможностей для сохранения «privacy», составлявшей в недавнем прошлом одну из важнейших ценностей западной цивилизации. Информационный поток увлекает субъекта, стирая границы между личным и социальным пространствами, что происходит при активном формирующем участии медиа.

Нельзя сказать, что сетевое сообщество оставило эти процессы без внимания. Процесс конституирования и внедрения правил поведения в сетевой среде, отражающий этическое измерение процесса, который в современной философской литературе получил название «осетевление»

[15], представляет собой любопытный прецедент введения коммуникативных самоограничений в безграничной сетевой среде. Первые попытки регламентации поведения пользователей в сетевой среде были предприняты в конце прошлого века сообществом кибержурналистов, которое на основании Кодекса общества профессиональных журналистов (Society of Professional Journalists Code of Ethics) предложило версию Кодекса блоггерской этики (Bloggers' Code of Ethics). Этот кодекс был снабжен оговоркой о том, что правила, изложенные в рамках этого документа, определяют лишь основные и максимально общие требования, а каждый блоггер индивидуально волен подстраивать их под конкретные практики в соответствии со своим разумением.

Кодекс делится на три части, названия которых представляют собой предельно общие нормативные требования: «будьте честны и справедливы», «минимизируйте вред», «будьте ответственными». Любопытно, что в каждом из этих разделов содержатся – увы! – заведомо невыполнимые нормативы: «отличать факты от интерпретаций и рекламы», «пояснять возможную сомнительность предоставляемой информации», «раскрывать конфликт интересов», «сопротивляться давлению рекламодателей и групп, руководствующихся корыстными интересами», и т.д.

Более того, наряду с хоть сколько-нибудь рационализируемыми требованиями кодекс «образцовых блоггеров» содержит требования, связанные с такими понятиями, как вкус, чувствительность, сострадание, деликатность: «проявляйте хороший вкус», «не потворствуйте примитивному любопытству», «не будьте высокомерны в связи с собственной информационной «продвинутостью». Наличие подобных нормативов требует не только рационализации понятий, как бы «вывалившихся» из другой эпохи: вкус, пошлость, деликатность, но и введения критериев, которые будут носить не только теоретический, но и практический характер, ведь на их основании необходимо выносить вполне определенные суждения. Цель такой нормативизации, конечно, не состоит лишь в рационализации этического, она скрывается в самом процессе установления каких бы то ни было правил, сколь бы нерационально и диковинно они ни выглядели. При этом, заметим, что никто не задавался вопросом о необходимости этих правил как таковых, поскольку в определенный момент сетевое сообщество осознало необходимость позиционирования себя во внешнем мире как регулируемого и упорядоченного.

Возникновение и распространение социальных сетей («каждый сам себе блоггер»), в свою очередь, породили так называемую «нэтику» (в русскоязычном варианте этот термин полон латентных смыслов – и нет-этика, и новая этика...). Нэтика существования субъекта в социальных сетях, несмотря на свою связь с блоггерской этикой, представляет собой попытку уйти от искусственного внешнего контроля сетевого сообщества, перемещая фокус ответственности за использование сетевой свободой. Теперь она переходит в контекст личного выбора, обусловленного воспитанием, культурой, вкусом. Довольно очевидным представляется

вывод: искусственное навязывание правил, не соотношенных с внутренней мотивацией членов коммуникативного сообщества, не приводит к желаемым результатам. Между тем у сетевого сообщества существуют неограниченные возможности для реализации собственного потенциала в самых благих для общества целях: быстром, эффективном и, самое главное, прозрачном для контроля проведении благотворительных акций, оперативной помощи в ситуациях стихийных бедствий и катастроф, поисках пропавших, других социальных проектах. Вопрос использования возможностей в новой коммуникативной среде оказывается связанным с процессами «перезагрузки» социума, новой социальной стратификацией, основанной на существовании в медиареальности.

Так или иначе, как бы ни было задето наше собственное существование процессами, происходящими «здесь и сейчас», как бы мы ни были в них вовлечены, мы обязаны признать, что современный мир существует в новой медиареальности. В качестве одного из адекватных способов фиксации и возможной рефлексии по поводу современности может быть предложен парадокс. Незаменимым оказывается здесь опыт иррационализма XIX в., возвестившего парадокс вполне допустимым орудием философствования в эпоху постгегелевского «конца истории» и «конца философии». Недаром столь часто в последнее время философы в самых разных контекстах обращаются к творчеству Шопенгауэра и Ницше, идеи которых современная эпоха считывает в новых интерпретациях. В связи с этим вспоминается идея Ю. М. Лотмана о том, что для понимания эпохи не менее важным оказываются не только те новые произведения, которые она порождает, но и то, что она считает нужным «перечитать», переинтерпретировать, включив в собственный, современный ей культурный контекст. Парадокс – всегда вызов рациональности, прозрачный намек на границы разума и познания. Но разве это не есть, с другой стороны, прекрасная мотивация для настоящего исследователя? Выявление таких парадоксов может сослужить хорошую службу для прочерчивания границ будущих исследований. Каковы же ключевые парадоксы современной эпохи? Открытость и доступность информации оборачивается невиданным по масштабам манипулированием массовым сознанием, «диванные войны» оказываются несопоставимо более эффективными, чем участие в реальных военных операциях, новые стратегии и тактики социального поведения возникают и проходят апробацию в компьютерных играх, расширение реальности посредством медиа приводят к трансформации личностного пространства.

В разноголосице идей и подходов: от ностальгических до модернистских – явно звучит один и тот же мотив. Несмотря на возрождение идеи смысловой исчерпанности философии, у нее попросту нет конкурентов в серьезной, в каком-то смысле – сколь бы пафосно это не прозвучало – судьбоносной, работе по осмыслению современности. Столь же быстротечной, сколь и становящейся достоянием происходящей на наших глазах истории.

Литература

1. Эко У. Полный назад! / У. Эко ; пер. с ит. Е. Костюкович. – М. : Астрель : CORPUS, 2012. – С. 15.
2. Слотердайк П. Критика цинического разума / П. Слотердайк ; пер. с нем. А. Перцева. – Екатеринбург : У-Фактория ; М. : АСТ МОСКВА, 2009. – С. 772.
3. Розов Н. С. Социологическая «отмена философии» – вызов, заслуживающий размышления и ответа / Н. С. Розов // Вопросы философии. – 2008. – № 2. – С. 38.
4. Sahoone L. E. The Ends of Philosophy. – State University of New York Press, State University Plaza, Albany, N.Y., 1995. – P. 350.
5. Fairlamb H. L. Critical Conditions : Postmodernity and the Question of Foundations / H. L. Fairlamb. – Cambridge ; N.Y. : Cambridge University Press, 1994. – P. 255.
6. Neue Medien — Das Ende der Philosophie? Ein Streitgespräch zwischen Norbert Bolz und Julian Nida-Rümelin // Information Philosophie. Oktober 1998. – № 4 ; Laurelle F. The End Times of Philosophy. – Continent. – 2012. – V. 2, №. 3. – P. 160–166.
7. Doomen J. Philosophy's End. – Kritike. – December 2011. – Vol. 5, №. 2. – P. 2.
8. Савчук В. Медиафилософия. Приступ реальности / В. Савчук. – СПб. : Изд-во РХГА, 2013. – С. 117.
9. Луман Н. Реальность массмедиа / Н. Луман ; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М. : Праксис, 2005. – С. 8.
10. Слотердайк П. Сферы. Микросферология / П. Слотердайк. – СПб. : Наука, 2005. – Т. 1, Пузыри. – С. 71.
11. Гро Ф. Состояния насилия / Ф. Гро // Логос. – 2011. – № 1 (80). – С. 166.
12. Хансен М. Б. Н. Новая философия для новых медиа / М. Б. Н. Хансен // Антология медиафилософии / ред.-сост. В. В. Савчук. – СПб. : Изд-во РХГА, 2013. – С. 265.
13. Эко У. Эпоха «засветов» / У. Эко // Русский пионер. – 2012. – № 7 (31). – С. 16.
14. Контрера М. С. Медиафера и кризис чувства / М. С. Контрера // Антология медиафилософии / ред.-сост. В. В. Савчук. – СПб. : Изд-во РХГА, 2013. – С. 296.
15. Больц Н. Азбука медиа / Н. Больц ; пер. с нем. Л. Ионин, А. Черных. – М. : Европа, 2011. – С. 4.

Воронежский государственный университет

Ищенко Е. Н., доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания

E-mail: edu@main.vsu.ru
Тел.: 8 (473) 255-08-97

Voronezh State University

Ishchenko E. N., Professor, Ph.D., Dr. phil. hab. in Philosophy, Department of Ontology and Epistemology

E-mail: edu@main.vsu.ru
Tel.: 8(473) 255-08-97